

УДК 811.352.22

М.Р. Багомедов

Исламский фактор в становлении и развитии ономастикона Дарга

Дагестанский государственный университет, b_musa@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы влияния исламского фактора на становление и развитие ономастикона одного из уникальных регионов поликонфессионального Дагестана – Дарга. Автор делает попытку осветить данный вопрос в аспекте современных исследований, привлекая методы исследования не только лингвистики, но и смежных дисциплин. Анализ проводится на базе полевого материала, собранного автором в течение последних двадцати лет в различных населенных пунктах Республики Дагестан.

Ключевые слова: *оним, ономастикон, топоним, антропоним, Дагестан, Дарга, ислам.*

This article analyzes the problem of the influence of the Islamic factor in the formation and development of onomastikon of one of the unique regions of polyconfessional Daghestan – Darga. The author makes an attempt to highlight the issue in the aspect of modern research, involving not only linguistic methods, but also related disciplines. The analysis is performed on the basis of field data collected by the author during the last twenty years in various localities in the Republic of Daghestan.

Keywords: *onim, onomastikon, toponym, anthroponym, Daghestan, Darga, Islam.*

Ономастикон (репертуар собственных имен данного этноса, данного социума, для данного периода [7, с. 98]) Дарга характеризуется семантическим многообразием. Под Дарга мы подразумеваем территорию распространения даргинского языка, т. е. более трехсот населенных пунктов Акушинского, Дахадаевского, Кайтагского, Левашинского, Сергокалинского и других административных районов Республики Дагестан. Смысловое значение топонимов (топоним – собственное имя природного объекта, а также объекта, созданного человеком, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т. п.) [7, с. 127] отражает старейшие пласты и новейшие данные географического окружения, хозяйства, строительной, материальной и духовной культуры даргинцев. Исходное семантическое значение большей части топонимов не вызывает сомнения, а у определенной части топонимов семантика затемнена и нуждается в специальном исследовании. С точки зрения семантики собранный топонимический материал можно разделить на группы, отражающие: рельеф; водные объекты; растительный мир; животный мир; жилищные и хозяйственные строения; религиозные представления; этнонимы; антропонимы.

По естественным условиям территория, населенная даргинцами, является весьма интересным краем. На сравнительно небольшой территории наблюдается разнообразие природы. В пределах нескольких километров можно встретить необычное многообразие климата, почвы и растительности. Рельеф исследуемого региона очень сложен. Большую часть поверхности занимают горы и ущелья, а часть – предгорье и низменность. Соответственно этим объясняются многообразие и пестрота топонимов.

В.И. Абаев справедливо указывает, что «когда автохтонное население на какой-либо территории не просто вступает в контакт с пришлой этнической средой, но смешивается с нею и усваивает ее язык, то сквозь наложившийся пришлый этнический мир продолжают "просвечивать" элементы местной этнической культуры и этнического типа в археологических памятниках, в этнографических чертах, в истории, религиозных верованиях, мифологии, фольклоре, языке» [1, с. 77].

Ономастические данные дают ценный материал «для восстановления картины этнических контактов в далеком прошлом. Значение этих данных особенно велико в тех случаях, когда отсутствуют другие источники и прежде всего письменные свидетельства» [11, с. 3].

В течение продолжительного времени топонимия дагестанцев формировалась в сложных историко-географических условиях территории, где пересекаются образования различных категорий: естественно-географические, этнографически-бытовые, этнолингвистические и прочие. Этим объясняется особая роль ономастической информации, позволяющей судить об архаических явлениях в области языка, о языковых контактах родственных и неродственных племен, о различных миграционных процессах и субстратных отложениях.

Территория, населенная в данное время даргинцами, с древнейших времен служила ареной многочисленных исторических событий. Она была зоной интенсивных взаимодействий местных и пришлых этнических групп на протяжении многих веков. Естественно, что и современные даргинские собственные имена формировались в течение длительного периода, под воздействием целого ряда исторических этапов, в сложных этнических и лингвистических условиях.

Если по одному не всегда можно установить время того или иного явления, то он с достаточной определенностью указывает на язык, а следовательно, и на народ, оставивший след на обследуемой территории. Но таким «следом» отмечены, как правило, наиболее продолжительные языковые и иные контакты.

С другой стороны, многие факты говорят о том, что по так называемой «этнической» лексике не всегда можно делать выводы об этногенезе, потому что порой и частный факт, случайное явление порождает окказиальное название. Таковым является, например, микротопоним *Глярбла бяхI* «Склон араба» (кутан колхоза «Кудагу»). Вероятнее всего, это название связано с человеком арабской национальности. С этого склона вместе с комбайном скатился человек по имени *Глярб* «Араб»; отсюда и пошло это название. В с. Кудагу отмечены и другие микротопонимы, связанные с данным антропонимом – *Глярбла шурагы* «Пруд араба». Тут уместно отметить, что данное мужское личное имя является заимствованным из арабского языка. Кстати, встречается ряд топонимов, образованных от арабских, тюркских, персидских и русских личных имен. Сейчас трудно установить, пришел ли тот или иной топоним в готовом виде или является результатом творчества коренного населения, т. е. образован с использованием заимствованных и нашедших свою нишу слов.

Анализируя лексику даргинского языка в сравнительно-историческом аспекте, М.-С.М. Мусаев выделяет «два качественно отличных друг от друга этапа пополнения лексики заимствованными словами. Первый этап – когда даргинский язык существовал в виде отдельных диалектов и не было сложившегося единого литературного языка... В этот период заимствование шло, в основном, из восточных языков: арабского, персидского и тюркских. Второй этап начинается после Октябрьской социалистической революции, когда складывается единый литературный язык и когда заимствования идут главным образом через русский язык» [6, с. 4–5].

Причины проникновения слов из всех названных языков были разные. Основной причиной проникновения арабских слов в даргинский язык явились завоевание арабами Дагестана и исламизация населения. Связи политического и экономического характера с арабами продолжались долго и прекратились после распада арабского Халифата. Всё последующее общение с арабами было только на религиозной почве, что и определило характер заимствований из арабского языка. Следует отметить, что арабская грамота была знакома значительному количеству даргинцев, а некоторая часть населения даже

владела арабским языком. Арабский язык, как и во многих странах Востока, стал для даргинцев языком религии и частично науки [6, с. 5].

Ряд топонимических единиц даргинского языка связан с исповедуемой дагестанцами мусульманской религией и отражает религиозные представления народа. Они выражаются в топонимах с компонентами *Аллагъ* «Аллах», *мижит* «мечеть», *пир* «священное место» (место паломничества мусульман), *шайх* «шейх», *малла* «мулла» и др. Например: *Аллагъла хъали* «Дом Аллаха», *Аллагълахъалис* «Скала дома Аллаха», *Мисккит* «Мечеть», *Жумягламисккит* «Пятничная мечеть», *Хулелмисккит* «Большая мечеть», *МисккитлабахI* «Вершина мечети», *ХIяпизламисккит* «Мечеть Гапиза», *Буракълакъ-екъатти* «Ущелье следов крылатого коня» (т. е. пегаса), *Вакъна хъу* «Вакуфная (т. е. находящаяся в собственности мечети) пашня», *Къяба бяхIлигъабил рабттар шури* «Находящаяся на склоне Кабы книга-валун» (с. Меусиша), *Мисттикла хъаб* «Перевал мечети» (с. Кудагу), *Мисттик* (с. Ираки), *Мисттикла хъаб* «Перевал мечети», *Хулал мисттик* «Большая мечеть», *Устадла глинкъ* «Пещера устада», *Мадрасачи* «Над медресей», *ЧибахIшантла мисттик* «Мечеть жителей верхнего квартала», *Вякънела мисттик* «Мечеть Вякни» (с. Уркарах), *Гъванила миздикк* «Мечеть Гвани», *Шярла миздикк* «Мечеть пруда», *Хъарагулла миздикк* «Мечеть верхнего селения», *Расулла миздикк* «Мечеть Расула» (с. Усиша), *Ширела пир* «Ширинский пир» (с. Шири), *Маллала хъали* «Дом муллы», *ХIулрила пир* «Гуллинский пир» (с. Старое Гулли), *Маллала бяхI* «Склон муллы» (с. Усиша), *Капуртала ши* «Селение гяуров», *СиратIалла ччими* «Сиратский мост» (с. Санжи), *ШайтIла шурме* «Чертовые скалы», *РягIят* «Покорный» (скала), *РягIят хъарахъ* «Покорный кутан», *ШихлахIеб* «Могила шейха» (с. Губден), *Шайхла глиниз* «Родник шейха» (с. Акуша), *Жагъаннабла къярд* «Адская долина» (Акушинский район), *Мисдигла хъу* «Мечетская пашня», *Жагъаннабла къада* «Адское ущелье» (с. Мургук) и др.

Кроме этого, вышеупомянутый постулат применим к названиям погребальных сооружений и святых мест (могил, кладбищ, стел, зияратов, мечетей и т. п.): *Шихмайхъ-ахIарби* «Кладбище Шихмаевых», *ЧибахIшантла хIарби* «Кладбище верхних сельчан» (с. Уркарах), *ДавудхIяжила хъябри* «Кладбище Давудгаджи» (с. Усиша), *ХIваше хабри* «Кладбище глазной воды», *ГъункигIитти хабри* «Кладбище над дорогой», *Хъардиркъ-убакитти хабри* «Кладбище над нижними полянами», *Къакълиутти хабри* «Кладбище под Горбушкой», *Тяймазла хабри* «Кладбище Таймаза» (с. Меусиша), *СутяхIла хъябри* «Кладбище Сутяха» (с. Киша), *Битта хъяжу хупе* «Кладбище, расположенное на склоне» (с. Сулевкент), *Чаба хIвябри* «Кладбище Чаба», *ИсмагIяйла хIвябри* «Кладбище Исмаила», *Халикъала мисттикк* «Мечеть Халика (с. Уркарах), *Мигъан шайхла пир* «Пир шейха из Мега» (с. Гулли), *Шайх ХIяса пир* «Пир шейха Гасана» (с. Шири) и др.

В отдельных НП зафиксированы топонимические единицы, имеющие непосредственное отношение к исполняемым мусульманами ритуалам, в частности совершению намаза. Например: *Къибла дубура* букв. «Гора кибла», где *къибла* – «направление в сторону Каабы» (когда молящийся житель селения Чираг делает намаз, он становится лицом к этой горе) (с. Чираг), *ДяхIлиба бахI* – «Вершина намаза» (с. Калакорейш), *ДихIлиба къутта* «Горка намаза» (с. Харбук) и др.

Имеется предположение, что названия селений *Санахъари*, *Санжи* Дахадаевского района и *Санчи* Кайтагского района связаны с культом Солнца. Компонент *сани* в даргинском языке употребляется для выражения понятия «солнечная сторона, южный склон». Это обусловлено эмпирическим опытом населения: почва, хорошо освещенная солнцем, всегда давала хороший урожай. Народ считал солнце источником жизни, существования. Именно этим следует объяснять широкое отражение поклонения солнцу в духовной жизни даргинского народа, в устном народном творчестве, топонимах. Вместе с тем солнце и луна были наивысшим предметом клятвы, например, *Бац-*

берхИиличи хъя бирулра – «Луной и солнцем клянусь» или «Небесными светилами клянусь». Селения *Санахъари*, *Санжи* и *Санчи* находятся под солнцем почти целый световой день, здесь с самого утра греет солнце и оно не заходит допоздна. Возможно, названия селений этимологически слились с географическо-хозяйственным окружением и с древнейших времен сохранили первоначальное содержание.

Целесообразность исследования топонимического фольклора в лингвистике воспринимается не однозначно: так называемые топонимические легенды почти всегда представляют интерес только для фольклористов, не имея «под собой никаких исторических оснований» [8, с. 65–66], «только в очень редких случаях они бывают полезны» [5, с. 5–11]. М.В. Горбаневский отмечает, что специалистам по изучению географических названий хорошо известно, что в топонимии есть много так называемых народных этимологий наименований разных объектов – легенд, преданий, по-своему трактующих их происхождение и значение. Народные этимологии – это стихийное переосмысление названий из-за их неясности для носителей языка или утраты прозрачности их смысла из-за новых ассоциаций (уже не соответствующих этимологическим данным), которые возникают на основе звукового сходства между словами. Подобного рода легенды не выдерживают даже элементарной научной критики, но представляют определенный интерес как своеобразные источники топонимического фольклора [3, с. 18].

При исследовании топонимии уникального региона мира Дагестана, а также исторических судеб проживающих здесь народов, на наш взгляд, легенды и предания (как правило, исторического характера) должны занять одно из важных мест. Они раскрывают историю заселения края и происхождение названий населенных пунктов, местностей, гор, рек и др. В ряде случаев они помогают в этимологизации топонимических единиц, раскрытии духовного богатства народа.

Топонимические легенды и предания народов Дагестана можно разделить на две группы – мифологического и исторического характера. К легендам и преданиям мифологического характера мы относим те легенды, в которых основной мотив группируется вокруг мифических существ, суеверий и др. К ним можно отнести легенды и предания, связанные с такими топонимическими единицами, как *Аждагъали лайдак* *либ Глянжи* «Аждахой (драконом) брошенная глина» (с. Субахтимахи), *Буракъла къе къатти* «Крылатого коня (пегаса) ущелье», *Алагъла хъя лис* «Скала дома Аллаха», (с. Меусиша) и др. Приведем примеры.

В с. Кища имеется большой камень *Къалсани цлубхляр*. Этимология слова *къалсани* затемнена, а *цлубхляр* – «порода твёрдого горного камня». По преданию, это окаменевшая девушка. Рассказывают, что в давние времена девушка пошла за водой. Когда она дошла до родника, увидела спускавших с гор к роднику разбойников. Испугавшись их, девушка убежала. Когда разбойники догоняли ее, она подняв руки к небу, попросила Аллаха: «О, Великий Аллах, помоги мне избавиться от позора. Пусть я превращусь в камень, чем попаду в их руки». Разбойники подбежали и в ярости начали бить мечами окаменевшую девушку. Эти следы можно увидеть на камне и сегодня.

В Субахтимахи зафиксирован следующий топонимический фольклор: *Дяндягла хъяб* «Перевал музыки», где *дяндяг* – «музыка» (по преданию, на этом перевале черти разжигали огонь, играли музыку и танцевали); *Къукърела мер* «Место холмов» (говорят, что эти холмы образовались от глины, упавшей с ног дракона (аждагъа), который пролетал над этими местами).

В местности *Шайтунтела къатти* «Ущелье чертей» (с. Маллакент), как рассказывают жители села, раньше был густой лес. Отсюда проходила лишь одна тропинка, которую сельчане называли *тлажи*. В лесу было очень много чертей. Ночью они разжигали большой костер и танцевали вокруг него. Люди боялись и не ходили по-одному, т. к. черти могли увести человека: человек здесь терял сознание и оказывался в другом

месте. Как-то житель села Камалутдин решил пойти в гости в соседнее селение. Чтобы укоротить дорогу, он пошел через лес. И его не было два дня. Сельчане вышли на поиски, но не нашли его. Через некоторое время он сам вернулся. Как рассказывает Камалутдин, в лесу он встретил своего близкого друга-сельчанина. С ним он беседовал, шутил и долго ходил по лесу. Потом им встретились другие сельчане. А очнулся Камалутдин в местности *Шайтунтела къатти* – «Ущелье чертей». Хотя сельчане его искали и там, но никто не видел. Таких случаев было несколько. Сейчас на этом месте нет леса, здесь люди построили дома.

С точки зрения отражения религиозных представлений и иных взглядов, суеверий, уникален топонимический фольклор селения Танты Акушинского района. Рассказывают, что желание того человека, который без помощи рук сможет взобраться на *Мурадлахъхури* «Валун желаний», обязательно исполнится. На пастбище *Мурхъ гЛявне* «Глубокие поляны» отец и сын пасли своих овец далеко от дома. Долго их не было дома. Когда они обедали, сын посмотрел на вареную лопатку барана и ему привиделось, что с его женой лежит мужчина. Сын побежал домой. Взяв лопатку и посмотрев на неё, отец сказал: «Рядом с женой сына мужчина, но он-то его сын». Оказывается, у сына родился мальчик.

На территории данного населенного пункта зафиксировано несколько рукотворных объектов с одинаковым названием *ГЛяя* «Каменная куча». По рассказам жителей, это солнечные часы, и по их тени определяют время. По другой версии – это святые камни. При засухе или постоянных дождях люди идут к ним, читают молитвы. После этого рядом кладут дощечки с написанными на них молитвами. По каждому случаю кладут отдельную дощечку. В огромной, но издалека почти невидимой пещере *Вя ссанила мизгит* «Мечеть плохого южного склона» люди прятались и спасались от врагов. Зафиксирован гидроним *Замзам гЛиницц* «Родник замзам» (ср.: источник *Замзам* находится в местах паломничества мусульман в Саудовской Аравии).

Рассказывают, что житель села Гунакари в местности *Ше бахI* «Вершина села» нашел серебряные изделия и принес домой. С этих пор он не мог заснуть, во сне к нему приходили их владельцы. Когда он вернул изделия на место, сон восстановился и кошмары покинули его.

Проблема передачи ономастических единиц рукописей, написанных на аджаме (аджам – письменность, созданная на основе арабской графики, которая была официальной в Дагестане до 1928 г., но в обиходе у народа существовала еще долго), стоит особо остро. К концу XX в. сел. Гулли Кайтагского района РД была обнаружена рукопись «Мигъан шайх МухIаммад» («Шейх Мухаммад из Мега»), написанная на аджаме – меусишинском говоре даргинского языка. Она была написана примерно в 1880–1890 гг. на арабском языке Мухаммадшапигаджи Меусишинским. На аджам ее перевел его сын Жамалудин (1882–1972 гг.). В ней говорится о жизненном пути и деяниях шейха Мухаммада из с. Мега. Текст рукописи на кириллицу переложил член Союза писателей России Р.М. Багомедов. Он опубликован в газетах «Замана» (№ 27. 30.06.2000: 18–19; № 28. 07.07.2000: 17) и «Ассалам» (№ 8 (14). Август, 2000: 5; № 9 (15). Сентябрь, 2000: 5; № 10 (16). Октябрь, 2000: 5). С вводным словом М.Р. Багомедова и пояснениями Р.М. Багомедова рукопись была издана в 2005 г. отдельной книгой на аджаме и кириллице.

Из зафиксированных в данной рукописи 196 собственных имен отмечены следующие антропонимы и топонимы (курсивом обозначены онимы-оригиналы, в кавычках дается их транслитерация или перевод на русский язык), в той или иной степени связанные с исповедуемым даргинцами исламом: *Аллагъ* «Аллах», *Аллагъла Расул* «Аллаха Расул», *Абумуслим* «Абумуслим», *Баба* «Баба», *Бабашайх* «Бабашейх», *Будун ХIясан* «Будун Гасан», *ГъазимухIаммад* «Газимухаммад» («Газимагомед»), *Жалалудин* «Жа-

лалудин», *Жалалуддинил Гъумукъи* «Жалалуддинил из Гумуки» («Джалалуддин Кумухский»), *Муса* «Муса», *Муса идбаг* «Пророк Муса», *МухІаммад* «Мухаммад», *МухІаммадшайх* «Мухаммадшейх», *шайх МухІаммад* «шейх Мухаммад», *МухІаммаду Ярагъи* «Мухаммад Ярагский», *МухІяммадшапигІ* «Мухаммадшапи», *МухІаммадшапигІхІяжи* «Мухаммадшапигаджи», *Хизри идбаг* «Пророк Хизри», *Хунзахълан АмирхІямзат* «Амиргамзат Хунзахский», *ХІямзат* «Гамзат», *ХІяжи гІялим* «Ученый Гаджи», *ХІяжи Къади (ХІяжикъади)* «Кадий Гаджи» «Гаджикади», *ХІяжи Кунта шайх* «шейх Гаджи Кунта», *ХІясан* «Гасан», *Шамил* «Шамиль», *ШапигІхІяжи* «Шапигаджи». Антропонимы в основном относятся к разряду агнионимов (агнионим – имя святого [7, с. 27]).

Из имен представлены только мужские личные имена. Хотя говорится о матери шейха Мухаммада, но ее имя не упоминается; зафиксированы три антропонима, в которых указывается, из какого селения то или иное лицо: *Жалалуддинил Гъумукъи* «Джалалуддин Кумухский», т. е. Джалалуддин из с. Кумух; *Хунзахълан АмирхІямзат* «Амиргамзат Хунзахский», т. е. Амиргамзат из с. Хунзах; *МухІаммаду Ярагъи* «Мухаммад Ярагский», т. е. Мухаммад из с. Яраги; гидроним *Абукавсар биклуси гІлиниц* «Родник, именуемый Абукавсар» (*Кавсар* «Райская река»); святые места – *Баба шайхла хІяб* «Могила Бабашейха», *Мигъала мистик* «Мегинская мечеть», *Миусишала духІнарти хІябри* «Находящееся внутри Меусиша кладбище», *ЧиркІайла мистик* «Чиркейская мечеть»; другие онимы и отонимические названия: *Абумуслимла тур* «Меч Абумуслима», *Рамазан бац* «Месяц Рамазан», *ЧиркІайла гІялимти* «Ученые Чиркея», *ЧиркІайла Къади* «Кадий Чиркея», *ЧиркІайла халват* «Халват Чиркея» [9].

У даргинцев, как и у других народов Дагестана, в становлении антропонимии особую роль сыграла мусульманская религия. У каждого народа существуют свои обычаи и обряды имянаречения, которые развиваются и совершенствуются в зависимости от времени и места. По древнему обычаю дагестанцев на праздник имянаречения новорожденного приглашались родственники, соседи, а также человек, который должен дать имя ребенку. Дающий имя произносил в правое ухо ребенка «азан» (это означало приобщение ребенка к мусульманству), а в левое – называл имя. После этого произносилось «дуа» с пожеланием счастья и удачи. По деснам ребенка проводили фиником, сахаром или другой сладостью, чтобы ребенок рос жизнерадостным. Полагалось резать двух баранов (если это мальчик) и одного (если девочка). Кости зарезанного животного ни при варке, ни во время еды не разбивают, чтобы ребенок рос здоровым. Потом эти кости закапывают в землю [4, с. 90].

Проникновению арабских личных имен способствовали следующие факторы: активные контакты Дагестана с арабскими странами, функционирование арабского языка в определенный исторический период в качестве языка религии, делопроизводства, науки, культуры и образования. Главным образом они проникли после принятия даргинцами мусульманской религии. Согласно исламу, *Аллах* – единственное божественное существо, у него нет рода, друзей и равных ему. Милосердие – основная черта Аллаха. Способность на любое деяние, справедливость, чуткость, доброта и другие положительные качества отражены в 99 именах-эпитетах Аллаха: *РяхІман* «всемилолюбивый», *РяхІлим* «милосердный», *Салам* «миротворящий», *Халикъ* «творец», *ГІялим* «знающий», *Басир* «всевидающий», *ХІялим* «ласковый», *Мажид* «славный», *Къадир* «всемогущий», *Вали* «правящий» и т. д. В совокупности все эти имена называются «Асмау-ль-хІусна». В Коране говорится: «У Аллаха прекрасные имена, взывайте к Нему ими...». «Аллагъ» – самое великое имя Бога, указывающее на Его божественную сущность. Этим именем больше никого не нарекают. Но компонент *Аллагъ* встречается в составе сложно-составных имен (ССИ), заимствованных даргинцами из арабского языка. Например: *Валигуллагъ* «друг Аллаха», *ГІябдуллагъ* «раб Аллаха» и др.

Арабские компоненты представлены в сложносоставных даргинских личных именах: мужские имена – *Глумарата* Умарата ССИ араб. *Глумар* + дарг. *Ата* (*Ада*) «отец», *Глябдулази* Абдулази ССИ араб. *Глябдул* + дарг. *Ази* «дядя», *Ицламяхляммад* Ицамагомед ССИ дарг. (диал.) *Ицла* «маленький» + араб. *Мяхляммад*; женские имена – *Батлазай* Батазай ССИ араб. *Батла* от *Патлимат* + дарг. *Азай* «старшая сестра», *Никлапатлимат* Никапатимат ССИ дарг. *Никла* «младшая, маленькая» + араб. *Патлимат*.

Как правило, у даргинцев детей нарекают именами покойных родственников. В последнее время наблюдается процесс наречения именами здравствующих. Если человека нет в живых, то необходимо прочитать молитву на его могиле, как бы спрашивая у него разрешение дать его имя, и раздать милостыню. При желании дать имя ныне живущего человека у него берут разрешение. Не приветствуется наречение детей именами умерших в юном и молодом возрасте родственников. Но если так решили, то в имя вносят какие-то изменения. Например: Гасан в двадцатилетнем возрасте погиб в автокатастрофе. Его сестра в честь него дала своему сыну имя *Хлясанбек* (*Хлясан* + *бек*) – чтобы не повторилась судьба несчастного брата и др. Подобный пример можно привести и с женским именем: *Истакк* – *Халумисттакк*.

У даргинцев, как и у многих народов Дагестана, принято менять имя ребёнка, если он часто болеет. В с. Меусиша этот ритуал проходит так: из внутреннего жира скотины лепят три свечи, дают им имена и зажигают. Ребёнку дают имя последней затухшей свечи.

У даргинцев, как и у многих народов Дагестана, наиболее всего распространены мужское личное имя *Магомед* и женское личное имя *Патимат*. Данные посемейных списков 1886 г. свидетельствуют о том, что мужское имя *Магомед* в соотношении количеству мужских личных имен выглядит так: аварские (из 192 имен с. Мочох Мочохского сельского общества Цинатахзского наибства Аварского округа 35) – 13 %, даргинские (из 246 имен сел. Урцаки Урцакинского сельского общества Сюргинского наибства Даргинского округа 66) – 25,6 %, лакские (из 135 имен сел. Тухчар Шаринского сельского общества Кумухского наибства Казикумухского округа 15) – 11,1 %, лезгинские (из 320 имен сел. Мугерган Киркинского сельского общества Гюнейского наибства Кюринского округа) – 1,8 %. И через сто лет имя *Магомед* остается лидирующим в даргинской антропонимии. Из 165 мужских личных имен (1999 г.) жителей сел. Урцаки Дахадаевского района 16,9 % (28 имен) представлены именем Магомед [10, с. 45]. Столь широкое употребление имени пророка Мухаммада говорит о большом влиянии исламского фактора на психологию и образ жизнедеятельности даргинцев.

В даргинском языке эти имена имеют ряд вариантов. Например: *Мяхляммад*, *Мяхлямма*, *Мяхл*, *Мяхля*, *Мяхляй*, *Мухлямма*; *Бухлумма*, *Бяхлмуд*, *Бяхлмай*, *Бяхлямма*, *Бяхляммад*, *Бяхли*, *Бяхлятл* и др. (варианты данного имени на **б**, как правило, встречаются только у даргинцев; то же самое относится и к ССИ с участием данных компонентов); *Патлимат*, *Патлима*, *Патли*, *Пайтлима*, *Пайтлма*, *Пайтл*, *Патлият*, *Патлатл*, *Патлма*, *Пейтлма*, *Патин*; *Батли*, *Батла*, *Батлай* и др. Разная транслитерация одинаковых по происхождению мужских и женских личных имен характерна и для других дагестанских языков [2, с. 12].

Таким образом, анализ собственных имен (топонимов и антропонимов) ярко иллюстрирует активную роль исламского фактора в становлении и развитии ономастикона Дарга.

Литература

1. *Абаев В.И.* Сложные слова – хранители древней лексики // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С. 75–85.
2. *Багомедов М.Р.* Словарь даргинских личных имен. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 169 с.
3. *Горбаневский М.В.* Имена земли московской. – М., 1985. – 158 с.
4. *Магомедов Р.М.* Обычаи и традиции народов Дагестана. – Махачкала, 1992. – 144 с.
5. *Матвеев А.К.* Собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении севера Европейской части России // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2004. – № 33. – С. 5–11.
6. *Мусаев М.-С.М.* Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). – Махачкала, 1978. – 130 с.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988. – 192 с.
8. *Попов А.И.* Географические названия: введение в топонимику. – М.; Л., 1965.
9. *Меусишинский М.* Шейх Мухаммад из Мега / сост. Багомедов М.Р. – Махачкала, 2005. – 64 с.
10. *Рабданова С.М.* Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. – Махачкала, 2000. – 128 с.
11. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. – 270 с.

Поступила в редакцию 25 декабря 2011 г.